

ВОСПОМИНАНІЯ

ФРАНЦУЗСКАГО ДИПЛОМАТА ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ДВОРѢ.

1828—1831 гт. (*)

III.

Обманчивая тишина передъ іюльскими бурями. — Императоръ приглашаетъ меня въ Кронштадтъ. — Плаваніе наше по Невѣ. — Онъ предлагаетъ мнѣ рассказать нѣкоторыя подробности сѣверной экспедиціи.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1830 г. герцогъ Мортемаръ уѣхалъ въ Парижъ, оставивъ меня въ Петербургѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Императоръ Николай, отпуская герцога, поручилъ ему передать Карлу X совѣты объ умеренности и уваженіи къ конституціи. Опасенія государя за Францію и за короля, котораго онъ называлъ своимъ другомъ, возобновлялись постоянно, несмотря на то, что Поццо-ди-Борго часто сообщалъ успокоительныя извѣстія. Не разъ на разводѣ, на которомъ я видѣлся съ императоромъ почти ежедневно, его величество говаривалъ мнѣ:

— Я получилъ болѣе утѣшительныя извѣстія; надѣюсь, что не прибѣгнуть къ неосторожнымъ мѣрамъ.

И дѣйствительно: прежде чѣмъ принять какую-либо рѣшительную и опасную мѣру, совѣтники Карла X долго колебались, долго отсрочивали.

По другимъ дѣламъ, императоръ Николай имѣлъ тогда всѣ причины быть довольнымъ: онъ окончилъ счастливо двѣ войны, противъ Персіи и противъ Турціи; расширеніе границъ имперіи вознаградило за потери, причиненныя этими войнами.

(*) См. № 3-й „Военнаго Сборника“.

Признательный къ Франціи и Пруссіи за добрыя отношенія ихъ въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ и при заключеніи адрианопольскаго трактата, онъ питалъ сильное неудовольствіе только на Австрію, показавшую себя враждебною его политикѣ, да не могъ быть расположенъ къ Англіи. Въ эту пору, дружественныя и недружественныя отношенія между пятью великими державами были таковы, что могло осуществиться желаніе великаго князя Константина Павловича, выраженное имъ графу Ла-Феронѣ:

— Ахъ, любезный графъ—сказалъ великій князь—когда же „зеленые“ и „синіе“ (русскіе, французы и пруссаки) соединятся побить „бѣлыхъ“ и „красныхъ“ (австрийцевъ и англичанъ)?

Благорасположеніе къ французскимъ интересамъ обнаружилось особенно по поводу приготовленій къ алжирской экспедиціи. Императоръ говорилъ объ ней съ самымъ горячимъ сочувствіемъ:

— Ваша страна—сказалъ онъ мнѣ—готовится къ славному и благородному предпріятію. Не постыдно ли для морскихъ державъ терпѣть въ Средиземномъ морѣ африканскіе разбои и допускать другія государства платить варварамъ ежегодную дань, чтобы избавиться отъ ихъ грабительствъ? Франція вооружается на доброе дѣло; ей, по справедливости, принадлежитъ и награда за такую услугу, и я, отъ глубины души, желаю ей прекраснаго завоеванія. Я хотѣлъ предложить вашему королю содѣйствіе моихъ войскъ; но Франція не нуждается въ томъ. Вотъ что однакожъ я сдѣлалъ: я приказалъ графу Чернышеву (военному министру) собрать въ нашихъ архивахъ все, что имѣетъ отношеніе къ образу веденія войны съ восточными народами. Я хочу, чтобы вы воспользовались опытомъ, пріобрѣтеннымъ нами въ неоднократныхъ войнахъ въ Турціи Европейской и Азіятской. Но, быть можетъ, еще важнѣе знать, какія гигиеническія условія надобно соблюдать въ этихъ нездоровыхъ земляхъ, во многомъ сходныхъ съ тѣми, гдѣ русскіе воюютъ такъ давно. По всѣмъ такимъ вопросамъ я приказалъ составить записки для вашей арміи. Жалѣю, что не могу услужить вашему королю болѣшимъ; но дѣлаю то что могу, и надѣюсь, что Франція увидитъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, мои добрыя пожеланія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ выраженія такого задушевнаго сочувствія къ Франціи и къ ея государю, императоръ

представилъ новое свидѣтельство того живаго участія, которое онъ принималъ во всѣхъ нашихъ успѣхахъ. Незадолго передъ июльскимъ переворотомъ, въ Петербургъ получено было извѣстiе о взятiи Алжира. Императоръ находился въ это время въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, присутствуя при стрѣльбѣ гвардейской артиллерiи. Онъ прислалъ въ Петербургъ флигель-адъютанта съ тѣмъ, чтобы я немедленно ѣхалъ къ его величеству. Меня уже ожидала верховая лошадь на мѣстѣ узенья артиллерiи, и я поскакалъ галономъ къ батареямъ, посреди которыхъ былъ императоръ. Подъѣхавъ ко мнѣ, его величество сказалъ:

— Французы взяли Алжиръ. Напишите вашему королю, что это завоеванiе исполнило меня такою радостiю, какъ бы оно было совершено пушками, выстрѣлы которыхъ вы теперь слышите.

Въ эту самую минуту, залпъ двѣнадцати-орудiйной батареи подтвердилъ случайно поздравленiе государя.

Однажды утромъ, на разводѣ, его величество сказалъ мнѣ:

— Если вы никогда не видали Кронштадта, то не хотите ли ѣхать завтра со мною и осмотрѣть укрѣпленiя? Я пригласилъ также капитана ЭКоурта, брата англiйскаго посланника (*), и увѣренъ, что вы станете смотрѣть на пушки моихъ батарей иными глазами, чѣмъ офицеръ флота его британскаго величества. Во время пережитыхъ нами событiй, я замѣтилъ, какiя чувства питаетъ ко мнѣ Францiя и какъ расположены ко мнѣ другiя государства.

На другой день отправился я къ назначенному на престани мѣсту, гдѣ нашелъ длинную, парусную и весельную, шлюпку императора: шестнадцать гребцовъ, въ щегольской формѣ, уже сидѣли на скамьяхъ. Капитанъ ЭКоуртъ прибылъ въ одно время со мною; вскорѣ потомъ прiѣхалъ и государь въ сопровожденiи нѣсколькихъ офицеровъ. Онъ занялъ мѣсто, съ англiйскимъ капитаномъ и со мною, на кормѣ, и мы пустились по водамъ Финскаго залива.

Море было тихо; погода великолѣпная. Справа мы видѣли берегъ, тянущiйся отъ Петербурга на сѣверъ къ Кронштадту; слева мелькали красивыя дачи; потомъ показались императорскiе дворцы: Александриа, Петергофъ, Ораниенбаумъ. Во вре-

(*) Сэръ Уильямъ ЭКоуртъ, лордъ Гейтсбори.

ми довольно продолжительнаго перехода, государь разговаривалъ со своими спутниками, и, послѣ многихъ предметовъ бесѣды, когда наступило минутное молчаніе, обратился ко мнѣ:

— Разскажите-ка мнѣ что-нибудь о вашей силестрійской кампаніи.

— Желаніе монарха—законъ, и я повинуюсь безирекословно, отвѣчалъ я.—Разскажу о пріѣздѣ моемъ къ генералу Роту въ тотъ самый моментъ, когда онъ переправлялся черезъ Дунай съ 6-мъ пѣхотнымъ корпусомъ.

— Дѣло! Повѣдайте же о нашемъ прибытіи на берега Дуная.

— Я отправился изъ лагеря при Карасу, гдѣ ваше величество остановились на нѣсколько дней послѣ перехода черезъ Траяновъ валъ. Мнѣ надлежало ѣхать назадъ, на сѣверъ, по степямъ Добруджи. Я получилъ четыре конвойныхъ донскихъ казака, которымъ приказано было только проводить меня, по совершенно прямой линіи, до назначеннаго пункта. Лагерь уже снялся; армія ваша шла на югъ по направленію къ Шумгѣ и къ Балванамъ; войска и тяжести уже исчезли за возвышенностями, окоимлявшими горизонтъ. Послѣдніе баталіоны арьергарда едва видѣлись издалека, и эхо черноводскихъ скалъ доносило еще до меня звуки военной музыки. Это были аріи изъ оперъ „Вѣланы“ (la Dame Blanche) и „Мишеля и Христіны“, аріи мнѣ родныя, сдѣлавшіяся военными маршами моихъ новыхъ ратныхъ товарищей, вслѣдъ за которыми я послалъ мои искреннѣйшія пожеланія и задушевное прости. Вскорѣ я очутился одинъ съ моимъ конвоемъ на одной изъ оконечностей линіи теперь пустынной, но еще недавно занятой императорскими палатками, блистательною военною свитою и войсками. На другомъ концѣ покинутой линіи я замѣтилъ однако дорожную коляску и четырехъ казаковъ. Такъ какъ эта группа стояла неподвижно посреди общей дѣятельности, то я заключилъ, что и она, подобно мнѣ, имѣетъ назначеніе слѣдовать къ берегамъ Дуная. Я послалъ казака справиться. Онъ воротился съ отвѣтомъ, что коляска принадлежитъ графу Вулгари, котораго ваше величество назначили полномочнымъ министромъ въ Грецію. Я тотчасъ же поспѣшилъ въ нему, и мы скоро познакомились. Хотя на мнѣ и былъ военный мундиръ, однако я отрекомендовалъ себя какъ товарища по дипломатіи. Графъ Вулгари предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ.

— Соединимъ оба наши конвои, сказалъ онъ.—Съ восемью

всадниками, будучи вооружены сами и имѣя вооруженную прислугу, мы смѣло можемъ встрѣтиться съ турецкими разбѣдами, которые, по слухамъ, распространены въ пустынныхъ равнинахъ Добруджи.

— Ну что жь?—прервалъ императоръ—и была у васъ такого рода встрѣча?

— Нѣтъ, государь! Мнѣ было бы пріятнѣе включить здѣсь рассказъ о жаркой и живописной стычкѣ, но атаганы и чалмы я увидѣлъ только подъ Силистріей. Все кончилось фальшивою тревогою, говорить о которой я не стану: тревога безъ ружейныхъ выстрѣловъ не должна имѣть мѣста въ рассказѣ.

— Все-таки рассказывайте! возразилъ императоръ.—Посмотримъ, какова была тревога безъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Мы отъѣхали верстъ восемь послѣ того, какъ разстались съ арміею вашего величества; сиди въ коляскѣ, я читаю отъ скуки „Коментаріи“ Цезаря, какъ вдругъ конвой нашъ остановился и подошедшій ко мнѣ графъ Вулгари сказалъ:

— Мы съ вами знакомы какихъ-нибудь два часа, но я долженъ предложить вамъ немного щекотливый вопросъ: есть ли у васъ въ экипажѣ огнестрѣльное оружіе и можете ли вы положить на мужество вашей прислуги?

— У меня двѣ пары пистолетовъ, двухствольное охотничье ружье да десять пачекъ патроновъ, отвѣчалъ я.—Что касается до моей прислуги, то вотъ этотъ, егеръ, рослый дѣтина, что сидитъ на козлахъ, онъ отставной пьемонтскій карабинеръ и не боится ничего; двое другихъ, кучеръ и конюхъ, оба русскіе и люди надежные. Да зачѣмъ вы спрашиваете меня объ этомъ?

— Затѣмъ, что черезъ полчаса намъ придется, вѣроятно, быть въ кровавой банѣ.... Въ деревню, что догораетъ влѣво отъ насъ, ворвалась, неожиданно, нѣсколько дней тому назадъ, партія турецкихъ конниковъ, которые отрѣзали голову чуть-ли не двѣнадцати нашимъ гусарамъ. Два казака, посылаемые нами на разбѣди, говорятъ, что турки вернулись, и, лишь только замѣтятъ наши коляски, бросятся къ намъ.

Хотя со стороны горѣвшей деревни мы не видали еще ничего, однако благоразуміе требовало быть насторожѣ. Услышавъ два ружейные выстрѣла, мы распорядились зарядить пистолеты и ружья. Графъ Вулгари, человекъ храбрый и предусмотрительный, имѣлъ при себѣ оружіе и снаряды. Пятеро

изъ нашихъ казаковъ были вооружены, кромѣ пикъ, ружьями. Всего насъ, готовыхъ защищаться, набралось пятнадцать человекъ; мы знали, что турецкіе партизаны не дадутъ проходу. Веротнться вспять было бы неппростительною стратегическою оплошностію: турки непременно настигли бы насъ; благоразумнѣе было остаться на мѣстѣ и показать готовность къ отпору. Ежели турецкіе спаги немногочисленны—разсуждали мы между собою—и ежели мы встрѣтимъ ихъ, на доброй дистанціи, семью мѣткими ружейными выстрѣлами, то, вѣроятно, они откажутся отъ боя. Будемъ стрѣлять лишь навѣрняка: это лучшее средство для тѣхъ, которые ожидаютъ сначущаго на нихъ во весь опоръ непріятели. Вотъ здѣсь-то, государь, ради интереса моего эпизода, хотѣлось бы мнѣ описать вамъ нашу дикую схватку съ двадцатью мусульманами, бросившимися на насъ съ криками: Аллахъ!... Но я рассказываю лишь то, что случилось дѣйствительно....

— Что же случилось? спросилъ императоръ.

— Я долженъ сознаться, государь, что нашъ великолѣпный планъ боя оказался излишнимъ: спустя нѣсколько минутъ, казаки, возвратившіеся изъ деревни, дали знать, что семь или восемь турецкихъ всадниковъ бѣжали по противоположному направленію, къ западу. Итакъ, мы спокойно продолжали двигаться на сѣверъ, посылая приличные разъѣзды. На четвертый день, вечеромъ, прибыли мы въ крѣпость Гирсову, незадолго передъ тѣмъ взятую вашими войсками; но, не останавливаясь здѣсь, продолжали слѣдовать по берегу Дуная навстрѣчу генералу Роту, который началъ здѣсь переправу черезъ эту рѣку. Когда мы прибыли, одна пѣхота бригады уже переправилась съ валахскаго берега на болгарскій; артилерія также совершила свою переправу. Я достигнулъ мѣста своего назначенія, но спутникъ мой, побуждаемый желаніемъ исполнить повелѣніе вашего величества, нетерпѣливо хотѣлъ перенестись на другой берегъ и для того воспользоваться одною изъ тѣхъ лодокъ, которыя, послѣ перевозки орудій, возвращались порожнякомъ. Объявивъ себя посланникомъ, имѣющимъ важное порученіе, графъ Булгаринъ получилъ разрѣшеніе переправить свою коляску и нашихъ восьмерыхъ казаковъ.

— Послѣдуйте моему примѣру, сказалъ онъ мнѣ.—Генералъ Ротъ переправится не раньше какъ завтра или послѣзавтра, а вы не можете оставаться такъ долго безъ людей и лошадей.

Возьмите, подобно мнѣ, вотъ эту лодку, что привезла зарядный ящикъ.

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю, отвѣчалъ я.—Зачѣмъ вооружать противъ себя начальника, съ которымъ мнѣ предстоитъ дѣлать кампанію? Съ моей стороны, это было бы очень неловкимъ дебютомъ.

— Покрайней мѣрѣ вы, лично, отправляйтесь со мною.

— Охотно; я не вижу въ томъ неудобствъ.

Я вошелъ въ лодку, чтобы плыть къ противоположному берегу. Едва достигли мы середины рѣки, какъ я увидѣлъ на другомъ берегу офицера, который расхаживалъ широкими шагами и казался весьма взволнованнымъ. Именно по торопливой походкѣ узналъ я генерала Рота, который, въ своемъ справедливомъ неудовольствіи на медленную перевозку пушекъ, готовилъ графу Булгари бурную встрѣчу. Когда мы очутились на разстояніи, позволявшемъ слышать человѣческій голосъ, начался оживленный споръ между корпуснымъ командиромъ, раздраженнымъ вслѣдствіе неуваженія къ его артилеріи, и дипломатическимъ агентомъ, сознававшимъ важность возложеннаго на него порученія и убѣжденнымъ, кромѣ того, въ необходимости быть скорѣе въ Афинахъ. Я слышалъ и вопросы, и отвѣты; я понималъ или угадывалъ почти вполнѣ все то, что говорилось съ обѣихъ сторонъ по-русски; притомъ я зналъ предметъ спора и, по интонаціи, могъ судить о горячности выраженій, мнѣ непонятныхъ. Дипломатъ не уступалъ генералу; мирный органъ держалъ себя вровень съ начальникомъ чуть не цѣлой арміи. Я, въ свою очередь, соблюдалъ чувства строгаго нейтралитета между представителями двухъ благородныхъ поприщъ.

— Бьюсь объ закладъ, что нѣтъ—прервалъ здѣсь императоръ—я увѣренъ, что ваше солдатское сердце склонялось болѣе къ военному начальнику.

— Умоляю васъ, государь, не затрогивать этого щекотливаго вопроса. Ваше величество не одобрили бы меня, если бы я окончательно отшатнулся отъ дѣла моихъ товарищей по дипломатіи: скажу только, что лодка скоро причалила къ берегу и что подъ столь неблагоприятными предзнаменованіями я представился генералу, еще взволнованному жаркою сценою.

— Я узнаю моего храбраго генерала Рота—замѣтилъ государь— это воинъ мужественный, дорожащій своею властію.

Споръ между Ротомъ и Булгари продолжался нѣсколько минутъ и на валахскомъ берегу. Генераль, говоря и размахивая руками, бросалъ иногда любопытный взглядъ на офицера во французскомъ мундирѣ, стоявшаго въ двадцати шагахъ отъ него и прибывшаго съ русскимъ посланникомъ при военскомъ дворѣ. Графъ Булгари, не имѣя ничего болѣе сказать или сдѣлать, уже уѣхалъ въ Бухарестъ.

Чтобы прекратить неизвѣстность генерала Рота относительно моего присутствія, я подошелъ къ нему и вручилъ письмо вашего величества. Произошла мгновенная перемѣна: лицо генерала, раскраснѣвшееся, носившее на себѣ слѣды гнѣва, приняло вдругъ самое пріятное выраженіе. Прочитавъ письмо, въ которомъ первый секретарь французскаго посольства объявлялся прикомандированнымъ къ командируемому имъ корпусу, Ротъ казался нѣсколько удивленнымъ. И немудрено: странно было видѣть перваго секретаря посольства вооруженнымъ саблею и съ четырьмя казаками-ординарцами.

Въ разговорѣ со мною корпусный командиръ былъ очень любезенъ. Онъ сказалъ мнѣ почти шутливо, можетъ быть даже съ оттѣнкомъ ироніи:

— На противоположномъ берегу я вижу коляску, которая, вѣроятно, принадлежитъ вамъ. Не имѣли ли и вы намѣренія, подобно своему спутнику, переправить ее, вмѣстѣ съ вашими казаками, на одной изъ этихъ лодокъ?

Я воспользовался случаемъ, чтобы совершенно успокоить генерала, и отвѣчалъ:

— Нѣтъ, генераль, я даже и не думалъ. Въ военное время я отдалъ бы двадцать колясокъ за одну пушку.

— Славный отвѣтъ! прервалъ императоръ.

— Кажется, государь, что и командиру 6-го корпуса понравился отвѣтъ мой, потому что съ этой минуты онъ оказывалъ мнѣ дружеское расположеніе, которымъ я пользовался во все время службы моей при генералѣ Ротѣ.

— Изъ письма я вижу—сказалъ генераль Ротъ—что вы желаете участвовать въ нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Къ какому роду оружія угодно вамъ быть причисленнымъ?

— Если вы, генераль, предоставляете выборъ мнѣ самому—отвѣчалъ я—то я попросилъ бы васъ прикомандировывать меня послѣдовательно къ разнымъ родамъ оружія, чтобы я могъ любоваться храбростію русскихъ войскъ во всѣхъ видахъ.

— Предлагаю вамъ состоять при моемъ штабѣ. Я буду давать вамъ различныя порученія или ввѣрять различныя части, смотря по обстоятельствамъ. Отнынѣ считайте себя моимъ гостемъ.

При окончаніи моего разсказа, государь замѣтилъ: „повидимому, вы хорошо уладили свои дѣла“; а какъ въ это время мы приближались къ Кронштадту, то я прибавилъ:

— Желалъ бы я разсказать вашему величеству и еще что-нибудь кромѣ моего служебнаго дебюта при 6-мъ корпусѣ, напримѣръ: о прибытіи моемъ подъ Силистрію съ авангардомъ изъ сотни донскихъ и уральскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ олигель-адъютантомъ вашимъ, графомъ Георгіемъ Толстымъ, о нашихъ дѣлахъ въ продолженіе двухмѣсячной блокады, о постройкѣ батарей и небольшого верка, возведеніе котораго генераль Ротъ поручилъ мнѣ. Я назвалъ этотъ веркъ, вооруженный пушками и мортирами, „пятиугольникомъ“, а солдаты называли его обыкновенно „французскимъ пятиугольникомъ“. Но я не успѣю кончить всѣхъ этихъ подробностей.

— Мы можемъ поговорить еще десять минутъ, замѣтилъ императоръ.

— Воспользуюсь ими—отвѣчалъ я—по крайней мѣрѣ для того, чтобы выразить сожалѣніе вашему величеству.

— Сожалѣніе? Что это значить?

— Вотъ въ чемъ дѣло: въ составъ 16-й пѣхотной дивизіи, блокировавшей, съ другими войсками, Силистрію въ 1828 году, входили, между прочимъ, четыре полка, которые назывались по именамъ самыхъ сѣверныхъ областей и городовъ Россіи: Камчатскій, Селенгинскій, Охотскій и Якутскій.

— Да, это названія полковъ 16-й дивизіи, повторилъ государь.

— Я командовалъ частями всѣхъ этихъ полковъ, кромѣ Камчатскаго. Вотъ мое сожалѣніе!...

— Отчего же вамъ такъ хотѣлось командовать солдатами Камчатскаго полка?

— Въ моей скромной біографіи, государь, это заняло бы видное мѣсто. Притомъ самое названіе мнѣ нравится: оно напоминаетъ необъятность царства вашего величества...

— Лстедцъ! произнесъ императоръ, улыбаясь. — Но—прибавилъ онъ—мы приближаемся къ кронштадтскому флоту: вы

сейчасъ услышите дружную канонаду. Привстаньте, господа, на минуту.

Мы повиновались. Государь поднялъ крышку лавки, на которой мы сидѣли, и вынулъ изъ ящика большой золотисто-желтый флагъ съ изображеніемъ двухглаваго орла и Георгія Побѣдоносца. Это былъ флагъ, возвѣщавшій о присутствіи монарха на томъ суднѣ, на которомъ онъ развѣвался. Его величество самъ поднялъ флагъ на мачту своей яхты. Въ то же мгновеніе, двадцать-пять линейныхъ кораблей и пятнадцать фрегатовъ, выстроившихся въ линію передъ Кронштадтомъ, огласили громомъ двухъ тысячъ пушекъ оба берега Ингрии и Финляндіи.

По прибытіи въ Кронштадтъ, государь водилъ насъ (Э'Коурта и меня) по всѣмъ гранитнымъ линіямъ этого оплота Петербурга, и по батареямъ, которыя тогда строились тамъ. Во всѣхъ подробностяхъ осматривалъ онъ грозные валы, установленные исполинскими орудіями. Между прочими особенностями постройки я замѣтилъ, что гранитныя глыбы, обтесанныя въ видѣ квадратовъ, не были связаны никакимъ цементомъ и держались посредствомъ весьма правильныхъ кубовъ, входившихъ на половину, сверху и снизу, въ пазы такой же формы, изсѣченныя въ обоихъ рядахъ камней.

Иногда, во время нашего обзора длинныхъ линій, капитанъ Э'Коуртъ или опережалъ насъ на нѣсколько шаговъ, или оставался назади, чтобы тщательно осмотрѣть какой-нибудь лафетъ или какой-нибудь новый воспламенительный снарядъ. Тогда императоръ, справедливо гордившійся своею прекрасною крѣпостію, говорилъ мнѣ вполголоса:

— А что думаетъ теперь англійскій капитанъ?

IV.

Пребываніе двора въ Гатчинѣ и въ Петергофѣ. — Разговоръ съ императоромъ о революціи въ Парижѣ. — Тревожныя чувства государя по этому поводу.
27, 28 и 29-е іюля 1830.

Довольно выставить эти три числа, чтобы понять всю важность вопросовъ, съ которыми обращался ко мнѣ императоръ Николай во время маневровъ подъ Гатчиной, въ тотъ самый часъ, когда пушка междоусобной войны гремѣла въ Парижѣ.

По мѣрѣ приближенія этого событія, государь находился въ болѣе и болѣе тревожномъ состояніи духа. Въ ту пору, столько

отличную от нашей относительно быстроты сообщений, надлежало употребить от десяти до одиннадцати дней для перевозки, между Парижемъ и Петербургомъ, ежедневной почты; извѣстія же экстренныя передавались въ семь дней при помощи тогдашнихъ несовершенныхъ телеграфовъ и быстрой русской курьерской ѣзды.

Бываютъ однако событія столь великой важности, заранѣе предназначенныя произвести въ цѣломъ мѣрѣ такое сильное, такое глубокое потрясеніе, что еще издавека они возвѣщаютъ о себѣ неопредѣленнымъ гуломъ, невольными предчувствіями, подобно тому, какъ глухіе стоны предшествуютъ грознымъ физическимъ переворотамъ.

Въ продолженіе трехъ дней, въ которые Парижъ видѣлъ ниспроверженіе престола, при с.-петербургскомъ дворѣ происходило одно изъ самыхъ пышныхъ ежегодныхъ празднествъ въ Петергофѣ, гдѣ императорская фамилія имѣла тогда пребываніе. Утро было посвящено маневрамъ и другимъ военнымъ упражненіямъ войскъ, собранныхъ лагеремъ; вечеромъ высшее общество и дипломатическій корпусъ собирались на придворныя балы и концерты, и никогда празднества во дворцахъ петергофскомъ и гатчинскомъ не были болѣе одушевлены, какъ будто событія, совершавшіяся далеко, внушали желаніе воспользоваться послѣдними минутами мира. Это замѣчаніе и это сближеніе сдѣланы были многими лицами спустя нѣсколько недѣль: перечислено было все то, что, случайно, совпадало съ празднествами въ теченіе кровавыхъ іюльскихъ дней, почти въ четырехъ тысячахъ верстахъ разстоянія.

Въ этомъ же году, болѣе нежели когда-нибудь, свѣхались къ петербургскому двору высокіе гости, въ томъ числѣ принцъ Вильгельмъ Прусскій (нынѣшній король) и принцъ Оскаръ, наследникъ шведскаго престола, кромѣ многихъ знатныхъ и знаменитыхъ иностранцевъ. Привлекательная графиня Росси (Зонтагъ), допущенная въ этотъ блестящій кружокъ какъ несравненная пѣвица и какъ супруга сардинскаго посланника, пѣла на сценѣ гатчинскаго театра.

На маневрахъ подъ Гатчиной, императоръ обращалъ особенное вниманіе на дивизію драгунъ, которые спѣшивались и производили перестрѣлку въ лѣсу, и на финскихъ стрѣлковъ, весьма мѣтко стрѣлявшихъ изъ карабина. Помню, я много удивилъ государя, напомнивъ ему, что французская армія была

единственная въ Европѣ, неизмѣнная пѣхоты, вооруженной наръзанными карабинами. Это оружіе, доведенное у нашихъ венсенскихъ стрѣлковъ до изумительнаго совершенства, появилось только въ 1840 году.

Я былъ верхомъ возгъ императора, когда онъ высказывалъ нѣсколько замѣчаній финскимъ стрѣлкамъ, какъ вдругъ его величество обратился ко мнѣ:

— Вы видите, я занимаюсь дѣломъ, которое обыкновенно интересуется меня: говорить съ моими солдатами, которыхъ я люблю, узнавать ихъ нужды, слѣдить за ихъ образованіемъ и успѣхами, это, какъ вамъ извѣстно, мое лучшее удовольствіе. А между тѣмъ сегодня я не могу не предаваться самымъ грустными мыслямъ.

— Ваше величество получили, вѣроятно, непріятныя вѣсти?

— Да, очень непріятныя, или, точнѣе, очень тревожныя. Я уже намерялъ вамъ о томъ вчера и сегодня утромъ; но вечеромъ мы поговоримъ побольше.

Дѣйствительно, вечеромъ, на придворномъ балѣ, его величество подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Намъ надобно поговорить о дѣлахъ серьезныхъ; пойдемте со мною.

Я повиновался. Государь, пройдя большую танцевальную галерею и всѣ залы, къ ней примыкавшія, привелъ меня въ послѣднюю маленькую гостиную и посадилъ возгъ себя. Такъ какъ всѣ умы были встревожены тогдашними дѣлами, то наша продолжительная бесѣда наединѣ произвела въ собраніи сильное впечатлѣніе.

— Вы видѣли меня—началь государь—въ эти дни, и особенно сегодня утромъ, грустнымъ, задумчивымъ. Причина та, что въ послѣднее время извѣстія изъ Парижа становились съ каждымъ днемъ тревожнѣе. Поццо-ди-Борго пишетъ мнѣ самыя безотрадныя депеши. Я поддавался надеждѣ, что онъ преувеличиваетъ. Не можете ли вы сообщить мнѣ лучшихъ вѣстей? Правда ли, что вашъ король хочетъ нарушить конституцію?

— Если ваше величество получили отъ своего посла такія извѣстія, то я долженъ присоединиться къ его опасеніямъ. Вашему послу должна быть извѣстна истина. Поццо-ди-Борго обладаетъ всеми источниками освѣдомляться о ходѣ дѣлъ.

— Какъ! — воскликнулъ императоръ—вы не можете успо-

коить меня? Неужели ваши корреспонденты не говорят вамъ, въ какомъ положеніи этотъ вопросъ?

— Ваше величество согласитесь, что я не могу имѣть никакихъ точныхъ данныхъ о предметѣ столь щекотливомъ и столь измѣнчивомъ, о томъ, что рѣшается или обсуждается между королемъ и его приближеннѣйшими совѣтниками. Я мало жилъ въ Парижѣ; съ 1816 года я пребывалъ за-границей; я не знаю ни князя Полиньяка, никого изъ нынѣшнихъ министровъ. По естественному порядку моей службы, я имѣю честь занимать настоящій постъ при вашемъ велиествѣ; что же касается до моихъ друзей въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, то они могутъ доставлять мнѣ лишь тѣ свѣдѣнія, которыя печатаются въ газетахъ о ходѣ парламентской борьбы. Князь Полиньякъ не разглашаетъ подобныхъ секретовъ.

— Въ такомъ случаѣ—возразилъ императоръ—я могу увѣрить васъ, что опасность неминуема. Поццо пишетъ мнѣ, что крайняя партія возьметъ верхъ, что умѣренные совѣты, совѣты конституціонные, даваемые вашему королю, не производятъ никакого дѣйствія. Вы знаете, какъ я интересуюсь Франціей, какъ люблю короля Карла X; но я думаю, что въ настоящую минуту онъ идетъ на встрѣчу своей гибели. Словомъ, мой посоль пишетъ мнѣ, что такъ называемый *государственный переворотъ* (coup d'état) дѣло рѣшеное.

— Слова вашего величества глубоко огорчаютъ меня, но мнѣ хочется питать надежду, что дѣло не дойдетъ до того.

— Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ надѣяться: необдуманное увлеченіе зайдетъ далеко.... Теперь обращусь къ совершенно другому вопросу. Какъ вы думаете: что случится, если король рѣшится на такую крайность? Что сдѣлаетъ войско, если онъ нарушитъ присягу и конституцію? Корона его будетъ ли въ опасности?

Въ ожиданіи событій, дѣйствительно неисчислимыхъ, императоръ, находясь въ столь далекомъ разстояніи отъ Парижа, тревожился неизвѣстностію: въ немъ преобладали теперь привязанность къ своему вѣрному союзнику 1828 и 1829 годовъ, сочувствіе къ Франціи, которая, по его мнѣнію, вступала на самый пагубный путь. Когда императоръ упомянулъ о нарушеніи королемъ присяги, я замѣтилъ:

— Простите меня, государь: противно моей обязанности допускать въ разговорѣ съ иноземнымъ монархомъ, каковы бы

ни были его дружественныя чувства, догадку, что король, отъ имени котораго я говорю, можетъ измѣнить своей присягѣ.

Императоръ благодушно взялъ меня за руку и сказалъ:

— Такой отвѣтъ дѣлаетъ вамъ честь, а я благодарю васъ; мнѣ слѣдуетъ поставить вопросъ иначе. Если завяжется борьба между королевскою властію и палатами, и, говоря яснѣе, если въ Парижѣ будутъ драться, король восторжествуетъ ли, или лишится короны?

— Ваше величество снова ставите меня на такую почву, на которой я не могу слѣдовать за вами. Всѣ эти догадки слишкомъ важны и слишкомъ грустны.

— Повѣрьте, не пустое любопытство заставляетъ меня касаться ихъ, возразилъ императоръ.

Потомъ, употребивъ форму, которую употреблялъ иногда въ бесѣдѣ о важныхъ вопросахъ съ уважаемыми имъ дипломатическими агентами, прибавилъ:

— Забудьте, что російскій императоръ обращается къ повѣренному въ дѣлахъ Франціи (*); смотрите на меня, какъ на друга вашего отечества. Въ минуту великой опасности, этотъ другъ хочетъ знать мнѣніе француза, который можетъ оставаться умѣреннымъ въ своихъ сужденіяхъ, потому что онъ далеко отъ взволнованнаго центра.

— Ваше величество говорите со мною такъ милостиво, выражаете столько участія ко всему, что касается меня близко, что я не могу отказаться отъ отвѣта.

— Что же, полагаете вы, сдѣлаютъ войска, если въ Парижѣ вспыхнетъ возмущеніе?

— Государь, этотъ вопросъ больше военный, нежели политическій. Все будетъ зависѣть отъ распоряженій начальниковъ. Достаточно ли войскъ подъ ружьемъ? хорошо ли будутъ руководить ими? Въ этомъ весь вопросъ.

— Да—замѣтилъ императоръ — положеніе дѣлъ серьезное, опасное, и ваше мнѣніе кажется мнѣ вѣрнымъ.

— Теперь, государь—сказалъ я въ заключеніе — благоволите припомнить, какъ неохотно затрогивалъ я всѣ эти жгучіе вопросы. Будемъ лучше надѣяться, что благоразуміе возъ-

(*) Считаю долгомъ привести подлинныя слова императора. Онъ сказалъ: „не російскій императоръ спрашиваетъ представителя Франціи, а Николай обращается къ Бурбоны“.

метъ верхъ надъ смѣлыми совѣтами и что намъ не придется оплакивать кровавой борьбы.

— Желаю этого, сказалъ императоръ, вставая. — Во всякомъ случаѣ, я буду сообщать вамъ получаемыя мною извѣстія.

Разговоръ, который я много сократилъ, продолжался болѣе часа съ четвертью. Государь разсматривалъ вопросъ со всѣхъ точекъ. Мы возвратились наконецъ въ парадныя комнаты. Извѣстія, полученныя многими членами дипломатическаго корпуса и людьми торговыми, были старѣе тѣхъ, которыя достигли до императора, но всѣ единогласно избранили положеніе крайне натянутымъ и давали предчувствовать близкій взрывъ.

Мы обсуждали случайности событій, которыхъ страшились, 27-го іюля, между восемью и одиннадцатью часами вечера. Въ ту самую минуту, когда мы бесѣдовали, междоусобная война разразилась въ Парижѣ со всѣмъ ожесточеніемъ и Франціи грозилъ новый переворотъ.

V.

Разговоръ въ Аничковомъ дворцѣ. — Первые извѣстія объ іюльской революціи. — Неизвѣстность. — Безпокойство, догадки всякаго рода.

Спустя девять дней послѣ вышеприведеннаго разговора, императоръ Николай, намѣревавшійся ѣхать въ Финляндію, прислалъ мнѣ, чрезъ князя Ливена, извѣстія, сообщенныя барономъ Мальтицемъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ, за отсутствіемъ графа Алопеуса, русскаго посланника при берлинскомъ дворѣ.

Въ этихъ депешахъ говорилось только о началѣ мятежа и о дѣйствіяхъ корблевской гвардіи; но почта и курьеры уже не прибывали изъ Парижа, и русское посольство въ Берлинѣ получало извѣстія комерческимъ путемъ. Я получилъ однако, чрезъ нѣсколько дней послѣ этого сообщенія, письмо отъ князя Полиньяка, приславшаго мнѣ, безъ всякихъ коментаріевъ, тѣ „приказанія“ (ordres), которыя послужили сигналомъ революціи. Сообщаю депешу барона Мальтица, равно и записку, которою князь Ливенъ приглашалъ меня, отъ имени императора, ѣхать немедленно въ Аничковъ дворецъ (*).

(*) „Князь Ливенъ, исполняя высочайшую волю, препровождаетъ къ г. барону Бургову прилагаемыя при семъ бумаги, полученныя изъ Берлина. Его Императорское Величество, желая лично объясниться съ г. Бурговомъ о прискорбныхъ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ сими бумагами, приглашаетъ его прибыть въ собствен-

При отъѣздѣ курьера еще не было рѣшено ничего, и изъ перваго краткаго донесенія мы узнали только о началѣ вооруженной борьбы. Каковы были, при такой полной неизвѣстности, впечатлѣнія, надежды и желанія императора россійскаго, это будетъ сейчасъ видно.

Проходя дежурную комнату, я могъ замѣтить смущеніе на лицахъ всѣхъ генераль-адъютантовъ: вѣсть о революціи въ Парижѣ огорчала всѣ сердца или по крайней мѣрѣ тревожила всѣ умы.

Лишь только я вступилъ въ кабинетъ императора, какъ его величество подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— То, что мы предвидѣли, совершилось.

— Какія извѣстія имѣете вы, государь, объ исходѣ борьбы?

— Ничего болѣе кромѣ того, что передалъ вамъ князь Дивенъ; но и этого довольно, чтобы опасаться всего. Сообщенія прерваны—доказательство, что мятежь торжествуетъ. Какое ужасное несчастіе!

Я присоединился къ сожалѣніямъ, къ печальнымъ опасеніямъ императора. Спустя нѣсколько минутъ, онъ опять сталъ спрашивать меня о случившемся:

— Чѣмъ кончится все это? Что вы предвидите? Желаю знать ваше мнѣніе, помня ваши здравыя сужденія въ Гатчинѣ. Что, по вашему мнѣнію, выйдетъ изъ всего этого?

— Увы, государь! догадки тутъ невозможны: въ Парижѣ мятежь — вотъ все, что мы знаемъ. Возмущеніе въ столицѣ государства то же, что умопомѣшательство въ человѣкѣ: ни-

ный, такъ называемый Аничковъ дворецъ, сегодня въ среду, въ восемь часовъ вечера, *во фракъ*. Князь Дивенъ имѣетъ честь и проч.

„Петербургъ, среда 30-го іюля (11-го августа) 1830, половина втораго.“

„До насъ дошли извѣстія величайшей важности. Въ Парижѣ вспыхнула революція и было кровопролитіе. Король оставилъ столицу и удалился въ Ляль. Палаты объявили свои званія безсмысленными и окружили себя частію военныхъ силъ, принявшихъ ихъ сторону. 29-го іюля парижская биржа была заперта. Всѣ публичные фонды значительно упали и не находятъ покупателей въ Берлинѣ. Такъ какъ ни одинъ курьеръ не проѣзжалъ еще чрезъ Берлинъ съ этими извѣстіями въ С. Петербургъ, то я считаю долгомъ передать ихъ вашей свѣтлости по вѣстогѣ, не ожидая свѣдѣній подробнѣе тѣхъ, которые находятся въ прилагаскомъ при семъ частномъ документѣ. Имѣю честь быть и проч.

„Баронъ Мальтицъ,
повѣренный въ дѣлахъ въ Пруссіи.“

Князь Дивенъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, былъ въ это время въ отпуску въ С. Петербургѣ.

кто не можетъ сказать, что сдѣласть человѣкъ въ такомъ состояніи.

— Что будетъ, если Карла X свергнуть? Кого посадятъ на его мѣсто? Не провозгласятъ ли республику?

— Нѣтъ признаковъ, чтобы думали о республикѣ, отвѣчаю я.

— Не изберутъ ли какого-нибудь Бернадота?

— Онъ слишкомъ далеко, государь, и уже забыть.

— Я говорю не о королѣ шведскомъ, но о какомъ-нибудь военачальникѣ, избранномъ преторіанцами.

— Нѣтъ, государь, нѣтъ! наши солдаты, благодареніе Богу, еще никогда не покушались на такія преступныя, на такія безумныя дѣйствія, какъ преторіанскій выборъ.

— Что же будетъ?

— Подобно вашему величеству, я въ рѣшительномъ недоумѣніи.

По настоянію императора, я, вмѣстѣ съ нимъ, допускалъ многія догадки; отреченіе въ пользу законныхъ наслѣдниковъ, примѣры котораго нашъ вѣкъ представлялъ неоднократно въ минуты смутъ или анархіи, казалось намъ наиболѣе желательнымъ и наиболѣе вѣроятнымъ рѣшеніемъ. Впрочемъ, такъ какъ государь готовился ѣхать въ Финляндію, такъ какъ полученныя имъ извѣстія были неполны, а я не рассчитывалъ на скорое прибытіе гурьера изъ Парижа, то настоящая бесѣда наша была непродолжительна. Императоръ все еще надѣялся, хотя и весьма слабо, на торжество или на долгое сопротивленіе королевской партіи или въ Парижѣ, или, по удаленіи короля изъ возмущившейся столицы, въ другомъ городѣ. Во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что весь дипломатическій корпусъ послѣдуетъ за королемъ Карломъ X.

— Станемъ покрайней мѣрѣ надѣяться, что монархическое начало будетъ спасено, повторялъ мнѣ нѣсколько разъ императоръ.

Желаніе видѣть монархическое начало неприкосновеннымъ, посреди смутъ, было часто выражаемо государемъ, хотя ничего положительнаго онъ по этому поводу не говорилъ. Правда, между прочимъ, онъ упоминалъ объ орлеанской линіи, но не останавливался на такой догадкѣ долѣе чѣмъ на другихъ; на первомъ планѣ онъ естественно ставилъ герцога Ангулемскаго, потомъ герцога Бордоскаго. Но всѣ эти предположенія, всѣ эти

вопросы о лицахъ были затрогиваемы мимоходомъ, въ разговорѣ быстромъ и весьма отрывистомъ.

Подъ-конецъ государь, возвращаясь къ упорному бою королевской гвардіи, о чемъ упоминалось въ торговыхъ извѣстіяхъ, сказалъ мнѣ:

— Молодцы ваши гренадеры королевской гвардіи! Я желалъ бы поставить золотую статую въ честь каждаго изъ нихъ.

Послѣ этихъ словъ, такъ благородно рисующихъ свойственныя императору Николаю чувства и даръ слова, равно уваженіе его къ военной доблести и преданности, его величество простился со мною, сказавъ:

— До свиданія, чрезъ шесть дней! Долже я не пробуду въ Финляндіи; мнѣ необходимо возвратиться сюда, гдѣ будутъ получены извѣстія; Нессельроде скоро пріѣдетъ, а покажѣсть я поручилъ князю Ливему передавать вамъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя онъ получитъ. Я понимаю вашу душевную тревогу.

Чрезъ нѣсколько часовъ, императоръ уѣхалъ въ Свеаборгъ.

VI.

Первый разговоръ въ Елагинскомъ дворцѣ.—Прекращеніе сношеній между Франціей и Россіей.—Два французскіе корабли подъ трехцвѣтнымъ флагомъ не допущены въ Кронштадтъ.—По моему ходатайству кронштадтскій портъ открытъ нашему флагу.

Партія войны, существующая во всѣхъ столицахъ, независимо отъ политическихъ причинъ, которыя могутъ руководить ею, надѣялась, что извѣстный образъ мыслей императора приведетъ тотчасъ же къ прерванію дипломатическихъ сношеній съ Франціей.

Начиная съ 1814 и 1815 годовъ, въ Петербургѣ привыкли принимать живое участіе во всемъ, что происходило въ Парижѣ. Петербургское общество, всегда очень сдержанное въ своихъ рѣчахъ относительно вопросовъ внутренней русской политики, выражалось часто съ нѣкоторою свободою о дѣлахъ другихъ государствъ. При такихъ отъѣздахъ, особенно по дѣламъ Франціи, можно было отличить оттѣнки партій, названія которыхъ были заимствованы изъ нашего парламентскаго языка. Всѣ знали, что императоръ Николай, державшійся вообще мнѣній брата своего Александра, высказывался съ непоколебимымъ постоянствомъ въ смыслъ того, что мы называемъ въ Парижѣ оттѣнкомъ „праваго центра“. Большинство главныхъ

представителей министерства и двора обнаруживало склонность къ конституціоннымъ началамъ, защищаемымъ ораторами этой партіи. Императоръ Александръ и его преемникъ терпѣли впрочемъ, даже между приближенными къ нимъ лицами, чувствованія и рѣчи, внушаемыя тою партіей, которую мы обозначаемъ во Франціи словомъ „ультра“. Можно даже сказать, что этотъ политическій оттѣнокъ не не правился тогда, серьезно, ни одному европейскому государю. Если императоръ Николай и не соглашался иногда съ поборниками такого мнѣнія, даже журилъ ихъ, то дѣлалъ это съ улыбкою на устахъ.

Іюльскія событія послужили поводомъ къ весьма разнообразнымъ мнѣніямъ при с.-петербургскомъ дворѣ; но въ общности всё сожалѣли о событіяхъ въ Парижѣ. Государь и его совѣтники, сторонники „праваго центра“, были, въ этомъ отношеніи, согласны съ „ультра“, между которыми — странное дѣло — не находились болѣе наши эмигранты: графъ Ланжеронъ, графъ Моденъ, генералъ д'Оврэ и многіе другіе. Особенно графъ Ланжеронъ, хотя и оплакивалъ паденіе престола Карла X, прямо совѣтовалъ государю выжидательную политику. Самымъ сильнымъ сторонникомъ партіи миролюбивой умѣренности явился, какъ всегда случается въ подобныхъ обстоятельствахъ, министръ финансовъ. Графъ Канкринъ, занимавшій тогда этотъ важный постъ, былъ не только первоклассный финансистъ, но и человекъ, одаренный государственнымъ смысломъ и большою дальновидностію. При самомъ началѣ онъ далъ понять, какъ было бы желательно, по окончаніи двухъ кампаній въ Турціи и персидской войны, дорого стоившихъ, несмотря на пріобрѣтенные успѣхи, не бросаться въ новую страшную борьбу, объема и продолжительности которой невозможно было и сообразить.

Противная партія, партія немедленнаго разрыва, считала самымъ удобнымъ случаемъ воспользоваться сильнымъ гнѣвомъ императора при извѣстіи о перемиріи династіи во Франціи. Къ этой партіи, руководившейся своими наклонностями или политическими принципами, примыкали всё тѣ, которые желали войны для войны, и потому еще, что это было ихъ ремесло.

Военный министръ, пользовавшійся тогда въ высшей степени довѣріемъ императора Николая, былъ тотъ самый графъ Чернышевъ, который, послѣ свиданія въ Эрфуртѣ, въ эпоху дружественнаго расположенія императора Александра къ На-

полеону, былъ избранъ, въ весьма молодыхъ лѣтахъ, посредникомъ этой кратковременной дружбы. Блестящій, красивый кавалергардскій полковникъ прожилъ нѣсколько зимъ въ Парижѣ, гдѣ обратилъ на себя общее вниманіе въ гостиныхъ наполеонова двора и, какъ извѣстно, сопровождалъ нашего императора въ австрійскую кампанію 1809 года. Въ 1828 году, пріѣхавъ въ Петербургъ, я подружился съ генераль-адъютантомъ графомъ Чернышевымъ, и событія 1830 года не поколебали нашей дружбы. Они послужили только поводомъ къ слѣдующему случаю.

На другой день по возвращеніи императора изъ Финляндіи, военный министръ пріѣхалъ ко мнѣ утромъ и сказалъ:

— Государь, *mon cher ami*, зная наши короткія отношенія, полагаю, что сообщеніе, которое онъ хочетъ сдѣлать вамъ, было бы менѣе неприятно въ устахъ друга, чѣмъ всякимъ другимъ путемъ. Вамъ, конечно, извѣстно, какъ недоволенъ его величество случившимся во Франціи. Его непоколебимыя правила не позволяютъ ему признать совершившагося факта. Поэтому рѣшено прислать вамъ ваши паспорта и прервать всѣ сношенія съ Франціей.

На такое странное сообщеніе я отвѣчалъ:

— Благодарю васъ, *cher ami*, за тѣ дружескія выраженія, которыми сопровождается сообщеніе, на васъ возложенное. Я долженъ однако отвѣчать *моему другу*, что мы не позволяемъ никому выражать намъ свое неудовольствіе о томъ, что происходитъ во Франціи. Мы, благодаря Бога, никогда не нуждались въ постороннемъ согласіи. И потому считаю долгомъ объявить вамъ, также *по-дружески*, что я не принимаю вашихъ словъ. Если сношенія должны быть прерваны, то я узнаю объ этомъ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ императора русскаго. Въ васъ я вижу друга, съ которымъ бесѣдую охотно; но по дѣлу, о которомъ идетъ рѣчь, я не могу говорить съ военнымъ министромъ. Постараюсь, какъ можно скорѣе, увидѣться не только съ княземъ Ливеномъ, но и съ его величествомъ.

— О! не совѣтую видѣть теперь государя императора! возразилъ графъ Чернышевъ. — Вы не можете себя вообразить, какъ онъ раздраженъ.

— Напротивъ, я очень хорошо воображаю себя; но это не остановитъ меня. Мы *вмѣстѣ* грустили о томъ, что готови-

лось мѣсяцъ назадъ; мы оплакивали, также *вмѣстѣ*, то, что случилось, что мы почти предвидѣли и чего опасались; но что до будущаго и до рѣшенія немедленнаго, это совсѣмъ другое дѣло: въ интересахъ Европы и самой Россіи полезно, чтобы вашъ императоръ выслушалъ меня, и онъ выслушаетъ.

По отъѣздѣ графа Чернышева, я немедленно отправился къ князю Ливену, который, за отсутствіемъ графа Нессельроде, управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде былъ тогда въ Карлсбадѣ, но, при первомъ извѣстіи объ іюльскомъ переворотѣ, выѣхалъ отсюда, чтобы вернуться въ Петербургъ. Впрочемъ, мѣсто его занималъ достойно человекъ умный, опытный, подобно ему руководимый самыми умѣренными и самыми примирительными чувствами. Я нашелъ князя Ливена въ наилучшемъ настроеніи духа и сказалъ ему:

— Графъ Чернышевъ сдѣлалъ мнѣ сообщеніе, которое больше удивило, чѣмъ встревожило меня: онъ объявилъ мнѣ о предстоящемъ разрывѣ съ Франціей. Я отвѣчалъ ему прямо, что не принимаю этого извѣстія чрезъ его посредство и признаю только васъ, князь, органомъ политическихъ намѣреній императора.

— Вы имѣли право говорить такъ—отвѣчалъ князь Ливенъ—ничто еще не показываетъ, чтобы императоръ рѣшилъ вопросъ въ переданномъ вамъ смыслѣ. Вамъ извѣстенъ взглядъ государя на событія въ Парижѣ; рѣшенія же его мы не знаемъ, но надѣюсь, что намъ удастся успокоить его.

— Мнѣ дали знать—продолжалъ я—что многія французскія суда, прибывшія къ Кронштадту подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, въ томъ числѣ купеческій корабль „Fulgor“, не впущены въ портъ. Спѣшу протестовать формально противъ такого исключенія; оно, само по себѣ, фактъ весьма важный и способно раздражить воинственный пылъ, возбужденный въ моихъ соотечественникахъ парижскими происшествіями.

— Эта мѣра была принята лишь въ первую минуту торопливости; надѣюсь достигнуть отмены ея, отвѣчалъ князь Ливенъ.—Я не одобрилъ подобнаго распоряженія.

— Князь, я желаю имѣть аудіенцію у императора.

— Мнѣ и самому желательно, чтобы вы увидѣлись съ его величествомъ какъ можно скорѣе, даже сегодня, и потому я сейчасъ же пошлю нарочнаго.

Князь Ливенъ отправилъ курьера въ Елагинскій дворецъ,

гдѣ тогда находился императоръ. Возвратившійся посланный пріѣхалъ прямо въ домъ французскаго посольства и привезъ мнѣ приглашеніе быть у его величества въ одиннадцать часовъ вечера. Столъ поздній часъ аудіенціи назначался вѣроятно по причинѣ многочисленныхъ занятій императора.

Къ назначенному часу я пріѣхалъ въ Елагинскій дворецъ и былъ введенъ во внутренніе покои этой лѣтней резиденціи. Я нашелъ государя въ небольшой комнатѣ, предшествовавшей его спальнѣ; онъ былъ въ длинномъ военномъ сюртукѣ.

Разговоръ, шумный и оживленный, продолжался часъ и три четверти.

Когда я вошелъ, императоръ встрѣтилъ меня на самомъ порогѣ, остановился передо мной и произнесъ голосомъ мрачнымъ, но рѣзко-значительнымъ, слѣдующія слова, подтверждавшія сказанное мнѣ военнымъ министромъ о его намѣреніяхъ немедленнаго разрыва:

— Получили ли вы извѣстія отъ вашего правительства, отъ *юсподина намѣстника королевства* (*). Вы уже знаете, что я не признаю никакого иного порядка дѣлъ кромѣ прежняго, и считаю его единственно-законнымъ, потому что онъ истекаетъ изъ законной монархической власти.

Недавно изданная книга (**) заключаетъ въ себѣ, относительно первыхъ словъ, обращенныхъ ко мнѣ императоромъ Николаемъ, толкованіе, съ которымъ я никакъ не могу согласиться: слова, сейчасъ мною приведенныя, совершенно точны, и императоръ никогда не говорилъ мнѣ, какъ передаетъ упомянутая книга, о національныхъ цвѣтахъ, которые онъ съ удивленіемъ увидѣлъ бы предъ собою.

Государь зналъ, что я пріѣхалъ протестовать противъ недопущенія въ кронштадтскій портъ трехъ французскихъ судовъ подъ трехцвѣтнымъ флагомъ, и потому, въ настоящую минуту, занимался лишь сущностію дѣла, не останавливаясь на наружныхъ признакахъ, напоминавшихъ ему всю важность этого дѣла.

На обращенныя ко мнѣ слова я отвѣчалъ въ томъ же тонѣ:

— Я очень удивленъ, что ваше величество смотрите такъ

(*) Известно, что Людовигъ-Филиппъ, до провозглашенія своего королевствъ, носилъ титулъ намѣстника королевства (*lieutenant-général du royaume*). *Ред.*

(**) *Histoire de l'empereur Nicolas*, соч. Альфонса Балежде.

на вопросъ, отидишь безвозвратно рѣшенный моимъ отечествомъ, которое всегда умѣло одетавать то, что дѣлало.

Мы приближались, въ эту минуту, къ столу, состоявшему въѣво, въ глубинѣ комнаты: императоръ, идя воевъ меня, сказалъ возвышеннымъ голосомъ:

— Да, таковъ образъ моихъ мыслей: основное начало законности—вотъ что будетъ руководить мною во всѣхъ случаяхъ.

Подойдя къ столу, императоръ сильно ударилъ по нему рукою и воскликнулъ:

— Никогда, никогда не могу я признать того, что случилось во Франціи.

Я оставался безстрастнымъ при этомъ энергическомъ проявленіи воли, съ которою мнѣ предстояло бороться.

— Государь — возражалъ я — нельзя говорить иначе; въ наше время, слово это не можетъ быть производимо: самое упорное сопротивление уступаетъ силѣ событий.

— Никогда—продолжалъ императоръ съ тѣмъ же жаромъ—никогда не уклонюсь я отъ моихъ правилъ: съ правилами нельзя вступать въ сдѣлку, и я не стану торговаться съ моею частію.

— Знаю—отвѣчалъ я—что слово вашего величества свято и что если вы принимаете на себя обязательство, то оно становится для васъ непреодолимымъ закономъ: вотъ почему я и придаю столько цѣны тому, чтобы вы не связывали себя на будущее время непосильными обязательствами.

То, что я предвидѣлъ, случилось: императоръ, при самомъ началѣ нашего разговора, хотѣлъ мнѣ показать свое изумление; но очевидно, что онъ призвалъ меня не для того единственно, а желалъ выслушать объясненія, даже настоянія, потому что обетательства были равно важны и для него и для насъ. Въ своихъ чувствахъ, симпатіяхъ, правилахъ онъ былъ увѣренъ, но серьезная дѣйствительность минуты ставила его въ мучительную нерѣшимость, въ большое недоумѣніе; въ продолженіе нѣсколькихъ дней его осаждали самыми противоположными внушеніями: воинственные преобладали, но государь выслушивалъ мнѣнія и въ другомъ смыслѣ. Въ такомъ-то расположеніи духа онъ сказалъ мнѣ тономъ, уже гораздо болѣе мягкимъ:

— Садитесь и поговоримъ спокойно.

Въ то же время государь указалъ мнѣ на стулъ насупротивъ своего, по другую сторону стола.

— Ваше величество — началъ я — говорилъ со мною такъ опредѣлительно, такъ прямодушно, что и я считаю себя въ правѣ сдѣлать то же.

— Говорите все — возразилъ императоръ — выскажите все, что у васъ на сердцѣ. Для того-то я и приглашаю васъ. Мы здѣсь не для того, чтобы подбивать другъ друга любезностями.

— Итакъ, государь, позвольте мнѣ изобразить вамъ откровенно картину того, что случилось бы, если бы вы исполнили рѣшеніе, о которомъ мнѣ говорилъ графъ Чернышевъ сегодня утромъ.

— Хорошо, я слушаю васъ.

— Эта картина будетъ проста. Ваше величество увидите, какъ послѣдствія связываются между собою. Допустимъ, что мнѣ предложили бы выѣхать изъ С.-Петербурга. Передъ отъѣздомъ, я отправилъ бы впередъ курьера, который возвѣстилъ бы объ удаленіи меня и объ исключеніи нашего національнаго флага. Остались ли бы мы спокойными при такомъ извѣстии? Это не въ нашихъ обычаяхъ. Въ тотъ же самый день, Франція отпустила бы вашего посланника, какъ вы удалите меня. Тогда что случилось бы? Ваше величество знаете, каково въ Парижѣ положеніе Поппо-ди-Борго. Столько же по своей дипломатической опытности, сколько и по могуществу монарха, имъ представляемаго, онъ какъ бы опорная точка всему дипломатическому корпусу. Всѣ его товарищи слѣдуютъ его совѣтамъ. Не знаю, поступили ли они такъ при отъѣздѣ короля Карла X, за которымъ должны были послѣдовать; но ежели весь дипломатическій корпусъ разсѣется, то какое дѣйствіе произведетъ это на нашихъ соотечественниковъ? Вы знаете, до какой степени мы порывисты въ нашихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ. Прямая коалиція не устрашитъ насъ; мы тотчасъ же сообразимъ, что ей еще нужно образоваться, а мы между тѣмъ предупредимъ ее. Мы будемъ имѣть дѣло съ организованною массою, но на нашей сторонѣ сила дезорганизованная и наша способность быстрого развитія. Мы бросимся на Европу, прежде нежели она будетъ готова. Вотъ, государь, каково будетъ сочетаніе послѣдовательныхъ фактовъ.

— Я еще не рѣшилъ, какъ поступлю; но неужели вы хотите, чтобы мы стали на сторону того, что совершилось въ Парижѣ?

— Тѣмъ лучше, государь, если вы еще не рѣшились въ

виду столь важныхъ событій: это доказываетъ вашу мудрость, потому что всё мы, въ подобныя минуты, должны усугубить обдуманность и осторожность. Что случилось бы, если бы я самъ не подавилъ въ себѣ перваго движенія, когда, сегодня утромъ, вашъ военный министръ сдѣлалъ мнѣ, отъ вашего имени, рѣшительное сообщеніе? Въ какомъ видѣ были бы теперь дѣла, если бы я принялъ это сообщеніе буквально или только написалъ о немъ въ Парижъ? Полагаю, я поступилъ согласно съ моими обязанностями, желая переговорить прежде всего съ вами, потому что вы одинъ господишь здѣсь.

— И хорошо сдѣлали, что пожелали видѣть меня; полезно, чтобы мы имѣли настоящую бесѣду.

— Раздѣлю убѣжденіе вашего величества; но къ чему послужила бы наша бесѣда, если бы вы не измѣнили вашихъ намѣреній? Если я выйду изъ этого кабинета не убѣдивъ васъ, то послѣдствіемъ будетъ война обширнѣе и кровавѣе: война республики и имперіи. Вспомнимъ, сколько милліоновъ людей погубили эти войны; а та, которую вы, государь, вызвали бы, была бы еще губительнѣе, и вы отвѣчали бы за нее передъ Богомъ.

Воззваніе къ глубоко-религіозному чувству императора Николая произвело свое дѣйствіе. Устремивъ глаза къ небу, онъ сказалъ:

— Да предасть Господь эту отвѣтственность въ руки достойнѣе моихъ.

— Отклонить отвѣтственности вы не можете, государь: она естественное послѣдствіе того высокаго положенія, которое вы занимаете на землѣ. Я счелъ своимъ долгомъ представить вамъ всю важность настоящаго нашего разговора.

— Повторяю — отвѣчалъ императоръ — я еще не знаю, на что мы рѣшимся; но я, конечно, сообщу свой взглядъ моимъ *colleagues* („mes collègues“: подъ этимъ словомъ государь разумѣлъ прочихъ монарховъ Европы). Я передалъ имъ вновь мое мнѣніе о случившемся и о томъ, что слѣдуетъ начать. Графъ Орловъ, въ скоромъ времени, скажетъ это въ Вѣнѣ; вчера я писалъ Вильгельму (принцу Оранскому). Мы не объявимъ вамъ войны, будьте въ томъ увѣрены; но если мы когда-либо признаемъ то, что совершилось у васъ, то лишь послѣ взаимнаго согласія.

Что же выйдетъ, государь, изъ подобнаго конгресса?

— Рѣчь не о конгрессѣ; у насъ есть другія средства для соглашенія.

— Покажите вы условитесь, государь, долгъ каждого изъ васъ воздерживаться отъ всякаго раздражительнаго слова, отъ всякаго заявленія или деклараціи, которая могла бы встревожить или оскорбить насъ.

— Я имѣлъ право быть очень недоволенъ тѣмъ, что случилось, и никогда не стану скрывать своего мнѣнія, возразилъ императоръ.

— Ваше величество припомните, что при разговорѣ нашемъ въ Анничковомъ дворцѣ, когда мы еще ничего не знали, множество догадокъ было высказано нами. Не пришли ли мы къ заключенію, что, посреди столь страшнаго переворота, все было возможно? Роковая случайность революцій управляла обезумѣвшимъ населеніемъ. Я отвѣчалъ вамъ, что никто не могъ ничего знать и ничего предрекать... Я видѣлъ мое отечество на краю пропасти и, подобно большинству благоразумныхъ людей страны, испытавшей столько потрясеній, призывалъ всѣми силами моей души руку, которая могла бы спасти Францію. Чувства мои не измѣнились; по прежнему, я съ болѣзненнымъ сожалѣніемъ вспоминаю о шврахъ, погубившихъ короля Карла X, и съ прежнею признательностію о храброй королевской гвардіи, тщетно защищавшей его.

Императоръ продолжалъ:

— Повторяю вамъ, *mon cher ami*, я обѣщаю не предпринимать ничего торопливо. А что до моего мнѣнія, то я всегда выскажу его прямо: мы не объявимъ вамъ войны, но условимся, какъ поступить въ отношеніи Франціи.

— Что вы не объявите намъ войны, въ этомъ я увѣренъ: со стороны державъ это было бы столько же необдуманно, сколько и опасно. Но полагаете ли вы, что мы удовольствуемся холодными и оскорбительными отношеніями? Мы уже не истощенная Франція 1814 года, а вы уже не соединенная Европа 1815 года. Вы говорите, что не желаете войны; но между правительствами, какъ и между частными людьми, дѣло постепенно доходитъ до ссоры, а потомъ и до столкновенія. Неловкіе поступки влекутъ за собою рѣзкія объясненія; затѣмъ являются оскорбленія и угрозы, и оба противника скоро становятся лицомъ къ лицу, съ мечемъ въ рукѣ.

— Надѣюсь, мы будемъ дѣйствовать осторожно, но всѣ

виѣстѣ, замѣтилъ императоръ. — Надобно однако предвидѣть, что другія державы, не сожалея, подобно мнѣ, о томъ, что Франція опять бросилась въ революціонныя случайности, возрадуются, что вы губите ваши прекрасныя начала преусульства...

Весьма вѣроятно, что на аудіенціяхъ посланникамъ и министрамъ другихъ великихъ державъ императоръ уже упоминалъ, послѣ іюльской революціи, о возможности коалиціи. Впрочемъ, онъ все еще сохранялъ привязанность къ Франціи и далъ тому новое доказательство посреди самаго нашего кризиса. Словъ его, сказанныхъ по этому поводу, я не могу забыть. На замѣчаніе мое, что если Россія, сохраняя миръ, будетъ однако къ намъ враждебна, то мы облизимся съ Англіей, императоръ отвѣчалъ:

— Имѣйте въ виду большую разницу между Англіей и мною. Несмотря на все то, что меня волнуетъ и что мнѣ не нравится у васъ, я никогда не переставалъ интересоваться судьбами Франціи. Во всѣ эти дни я былъ занятъ мыслию, что Англія, завидуя завоеванію Алжира, воспользуется вашими смутами, чтобы отнять у васъ это прекрасное владѣніе. Что до Австріи, то она страшится потерять Италію, и именно потому только и сожалеетъ о вашей новой революціи и тревожится ею. Она никогда не станетъ сочувствовать вашему горю, тогда какъ мы рады, если Франція возрастаетъ въ силѣ и благоденствіи.

— Государь, вы имѣете причину питать, въ отношеніи насъ, подобныя чувства, потому что они вполне взаимны. Наша политическая поддержка сопровождала васъ до адрианопольскаго трактата, а что касается до нашего военнаго братства, то вы сами знаете, сколько французовъ служили въ рядахъ вашей арміи и сколько другихъ немали послѣдовать за нами. Вотъ эту медаль за турецкую кампанію, которую вы намъ пожаловали, мы носимъ какъ дорогое воспоминаніе. Правда, офицеры и другихъ великихъ державъ пріѣзжали въ вашу дунайскую армію; но, за исключеніемъ насъ и пруссаковъ, по сочувствію ли, или только изъ любопытства? Австрійскіе офицеры было на Дунай, въ 1828 году, почти столько же, какъ и французскихъ; но въ то же самое время австрійскія газеты унижали славу вашего оружія и предсказывали вамъ бѣдствія въ кампанію 1829 года? А что дѣлали наши молодые соотечественники? Ла-Фероне и Ла-Рошжакемы храбро дрались, бросались въ первые ряды вашего авангарда.... Пруссаки и французы, госу-

даръ; вотъ кто были, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ 1828 и 1829 годовъ, нашими единственными истинными друзьями!

— Ябъ окупавшаяся приносилъ словакъ; государь былъ, повидимому; стропуть и дружески протянулъ мнѣ руку. Разговоръ принялъ затѣмъ болѣе спокойный тонъ простого сужденія. Государь еще разъ прибавилъ, что говоритъ и поступаетъ лишь для пользы Франціи.

— Если ваше величество замѣтилъ я на это—продолжаете интересоваться моимъ отечествомъ, то явите себя его другомъ въ настоящемъ и новомъ кризисѣ и не усиливайте замышлять враждебнымъ положеніемъ.

— Никакой вражды не питаю я къ Франціи— это вѣдомо Богу; но я ненавижу правила, васъ ослѣпляющія... Вы говорите о враждебномъ начинаніи съ нашей стороны: оно можетъ послѣдовать съ вашей.

— Этого не случится, государь, будьте въ томъ увѣрены, если съ нами станутъ обращаться такъ, какъ мы въ правѣ ожидать по нашей независимости и справедливой гордости. Наши внутренніе перемены ни до кого не касаются; нѣтъ, стало быть, и повода выѣшиваться въ нихъ какимъ бы то ни было образомъ. Если бы союзные монархи захотѣли возобновить коалицію; то пусть они вспомнятъ, что только въ такомъ случаѣ мы будемъ вынуждены искать помощи у народовъ...

При этомъ словѣ императоръ, своимъ движеніемъ, выразилъ удивленіе и неудовольствіе. Я прибавилъ, чтобы успокоить его:

— Слова, мною сказанныя, основываются лишь на предположеніи, которое, какъ вы, государь, выразились, не осуществится. Мы не пустимся въ проваганду, потому что противъ насъ не будетъ коалиціи. По поводу же того, что я упомянулъ о защитѣ нашей независимости, и тѣ французы, которыхъ вы болѣе уважаете, герцогъ Мортемаръ и графъ Ла-Феронъ, скажутъ то же самое.

— Да, я знаю, что, слушая васъ, выслушиваю мнѣніе умѣренной Франціи, которую вопрошаю, и что со мной какъ бы говорить Ла-Феронъ или Мортемаръ.

— Эти люди, достойные вашей дружбы, государь, сказали бы вамъ, какъ и я, что отвращеніе къ иноземному вторженію господствуетъ во всѣхъ сердцахъ французовъ, и что всѣ, старъ

и млади, возмущая за оружіе. Въс мы дружно будемъ отобавлять Францію; всѣ партіи забудутъ свои раздоры.

Мнѣ не было надобности распространяться болѣе о громадней силѣ, во имя которой я говорилъ. Императоръ былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что съ величайшимъ спомойсвѣемъ выслушалъ мои слова; потомъ сталъ разсматривать важнѣйшія статьи новой конституціи, замѣнившей собою хартию 1814 года; не одобрялъ главныхъ пунктовъ, и нашъ разговоръ, вначалѣ стоило оживленный, принялъ тонъ простаго теоретическаго разсужденія. Государь кончилъ обзоръ новыхъ конституціонныхъ комбинацій, долженствовавшихъ имѣть силу, съ нѣкоторыми замѣненіями, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ; словами, не менѣе всѣхъ прежнихъ достойными быть сохранными. Императоръ сожалѣлъ о стѣсненіи королевской власти новою конституціей, а я напомнилъ ему, что, при бесѣдѣ нашей въ Анничковомъ дворцѣ, онъ выразился въ такомъ смыслѣ, что всѣ формы правленія могутъ составить счастье народа, лишь бы, съ обѣихъ сторонъ, вѣрно хранили основное начало.

— Да—отвѣчалъ государь—таковъ мой взглядъ, и если бы, во время кровавыхъ смуть въ Парижѣ, народъ разрыбилъ домъ русскаго посольства и обнародовалъ мои депеши, то всѣ до крайности удивились бы, что я былъ противъ государственнаго переворота (т. е. задуманнаго министрами Карла X); изумились бы, что самодержавный монархъ поручаетъ своему представителю рекомендовать конституціонному королю соблюденіе уложенія, введеннаго и утвержденнаго присягою...

Государь всталъ наконецъ, чтобы отпустить меня, и поговорилъ еще нѣсколько минутъ. Когда мы стояли, всѣ слѣды неудовольствія исчезли. Видя императора въ такомъ расположеніи духа, я сказалъ:

— До всѣхъ этихъ печальныхъ событій, ваше величество изволили приглашать меня сопутствовать вамъ въ поѣздѣ на берега Волхова для осмотра военныхъ поселеній и для инспектированія гренадерскаго корпуса. Смѣю надѣяться, что это приглашеніе не отмѣнено.

При столь неожиданномъ напоминаніи, императоръ взглянулъ на меня улыбувшись; потомъ, послѣ минутнаго раздумья, отвѣчалъ:

— Хорошо, я согласенъ и замѣчу лишь одно: вы поѣдете со мною, но это удивить очень многихъ....

Затѣмъ государь обнялъ меня. Дѣло было улажено, и я вернулся въ Петербургъ. Корабли подъ трехцвѣтнымъ флагомъ были впущены въ амстердамскій портъ.

На другой день, ко мнѣ явились съ визитомъ всѣ главные члены дипломатическаго корпуса. Въ предшествовавшіе дни, разошся общій слухъ о присылкѣ мнѣ паспортовъ и о полномъ прекращеніи сношеній между Россіей и Франціей. Эта вѣсть произвела большое волненіе, и всякій желалъ знать истину, чтобы донести своему двору. Меня посетили лордъ Гейтсбургъ, англійскій посланникъ, графъ Фикельмонъ, австрійскій посланникъ, генераль Шелеръ, прусскій министръ, и многіе другіе. Всѣ спрашивали меня со страхомъ:

— Правда ли, что вы уѣзжаете изъ Петербурга?

— Правда—отвѣчалъ я—чрезъ три дня я уѣзжаю съ его величествомъ въ военныя поселенія.